

СПОРНЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Несмотря на огромное значение арбитражного соглашения, очень часто на практике можно встретить небрежное отношение к процессу его составления, хотя от его содержания зависит очень многое. Особого обсуждения заслуживает вопрос заключения сделок, в том числе арбитражных соглашений, посредством специализированных электронных сетей, а также с помощью Интернета. Множество вопросов вызывает проблема идентификации лица, заключающего сделку, и дальнейшее подтверждение того, что лицо сделку заключило. Использование электронно-цифрового аналога подписи вызывает ряд практических проблем, поскольку нет адекватного правового регулирования отношений с ее использованием на международном уровне. Особые трудности влечет явно устаревшее положение Нью-йоркской конвенции об обязанности предоставить подлинное соглашение, упомянутое в ст. II, или должным образом заверенную копию такового (такие же требования содержатся и в большинстве регламентов).

Таким образом, небрежное отношение к форме заключаемого арбитражного соглашения может вызвать значительные трудности при его реализации. Решение о действительности арбитражного соглашения, о том, было ли оно вообще заключено, могут принимать и сам арбитраж, и государственные суды, причем одни и те же факты могут быть истолкованы ими по-разному (дело усугубляет то, что выводы о форме арбитражного соглашения суда одного государства не имеют преюдициальной силы для судов другого государства). Правовое регулирование арбитража таково, что оно допускает параллельное рассмотрение дела по существу в арбитраже и в государственном суде. Например, арбитраж принял дело к своему рассмотрению. Затем в государственный суд подан иск по тому же предмету. Государственный суд признал, что арбитражное соглашение не заключено в надлежащей форме, соответственно, он принимает дело к своему рассмотрению. Такое решение государственного суда не имеет значения для арбитража, поскольку он сам выносит решение о своей компетенции.

Чтобы избежать разного рода проблем, связанных с формой арбитражного соглашения, можно порекомендовать сторонам заключать арбитражное соглашение таким способом, чтобы факт заключения мог быть подтвержден письменными документами, не вызывающими сомнения в их подлинности и в намерениях лиц, от которых они исходят, передать спор на разрешение международного коммерческого арбитража. Идеальный вариант – это когда у каждой

из сторон есть оригинальный письменный документ, содержащий арбитражное соглашение.

Важной характеристикой арбитражного соглашения является его автономный, независимый характер. Оно имеет свой собственный предмет, отличающийся от предмета контракта, к которому оно относится, и, соответственно, свое собственное правовое регулирование, выраженное в арбитражном законодательстве и международных соглашениях. Особое значение отмеченный автономный характер имеет в случаях, когда арбитражное соглашение внешне представляет собой одно из условий контракта, т. е. присутствует в виде арбитражной оговорки. Теория автономности (независимости) арбитражной оговорки воспринята достаточно широко как на уровне внутреннего законодательства и регламентов институциональных арбитражей, так и на уровне международных соглашений. В научной литературе также говорится о самостоятельности арбитражной оговорки, однако многие авторы ограничиваются лишь констатацией того, что содержится в законах и регламентах, а именно – арбитражная оговорка не зависит от контракта, и поэтому признание контракта недействительным не означает недействительности арбитражного соглашения. На самом деле проблема автономности арбитражного соглашения значительно шире и сложнее. Следствием автономности арбитражного соглашения является то, что оно может регулироваться правом, отличным от права, применимого к существу спора. Вопрос об автономности арбитражного соглашения возникает при отсутствии в доверенности лица, подписавшего внешнеэкономический договор, явно выраженного полномочия на передачу споров в арбитраж, т. е. на заключение арбитражного соглашения.

Если вышеуказанные утверждения уже можно назвать аксиомами, то существует и множество других вопросов практического характера, на которые нет однозначного ответа. В связи с отсутствием возможности рассмотреть все или хотя бы несколько подобных проблем остановимся на вопросе правопреемства во внешнеторговом контракте.

Преемство в правах и обязанностях бывает универсальным и сингулярным. Универсальное правопреемство имеет место, например, при реорганизации юридического лица и при этом не требует согласования с другой стороной обязательства.

Более сложным и неоднозначным с позиции нашего национального права и практики, как, впрочем, и ряда других правовых систем, представляется вопрос о возможности сингулярного правопреемства. Сингулярное правопреемство основывается на соглашении сторон (как это происходит при цессии или, соответственно, переводе долга) или на указании закона при наступлении предусмотренных им юридических фактов (типичные примеры – исполнение обязательства должника его поручителем или залогодателем, а также суброгация в имущественном страховании, передача комиссионером прав и обязанностей по контракту комитенту).

Согласно диспозитивной норме, содержащейся в ст. 355 ГК Республики Беларусь, «Если иное не предусмотрено законодательством или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на неуплаченные проценты». Подобные правила содержатся и в специальных нормах о поручительстве, страховании, комиссии и т. д. Возникает вопрос о том, обязательна ли арбитражная оговорка для отношений между правопреемником и другой стороной контракта. На первый взгляд, такой вывод представляется очевидным, особенно если учесть цитированные выше формулировки ст. 355 ГК Республики Беларусь. Но можно привести следующие контраргументы. Нормы о международном коммерческом арбитраже говорят о независимости арбитражной оговорки от внешнеторгового контракта. Во-вторых, рассматривая арбитражное соглашение как отдельный договор, мы приходим к выводу, что такое правопреемство противоречит п. 3 ст. 289 ГК Республики Беларусь, в силу которой «обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц)», правопреемник не имел никакого отношения к арбитражному соглашению. И, наконец, такое правопреемство нарушает права другой стороны внешнеторгового контракта, так как оно происходит без ее согласия. Если же как контракт в целом, так и содержащаяся в нем арбитражная оговорка юридически действительны, то основания для ее обособления от контракта отсутствуют, и ее следует рассматривать как одно из условий контракта, которое, как и другие его условия, не может быть отменено или изменено в одностороннем порядке. Это подтверждают формулировки норм (законы, конвенции, регламенты) об арбитраже. Они, как правило, гласят: третейский суд может сам вынести постановление о своей компетенции, в том числе по любым возражениям относительно наличия или действительности арбитражного соглашения.

Таким образом, главную роль в развитии механизма рассмотрения споров в международном коммерческом арбитраже должны сыграть сами участники внешнеэкономической деятельности. Пока они не поймут, что международный коммерческий арбитраж наиболее соответствует их интересам как способ рассмотрения внешнеэкономических споров, пока они не будут уважительно относиться к арбитражу, к партнерам, к своему обещанию, данному в арбитражном соглашении, все усилия комиссий ООН, институциональных арбитражей, государства по развитию международного коммерческого арбитража не будут иметь результата.